

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Большое распространеніе получили нынѣ во Франціи выдержки изъ отчетовъ парламентскихъ преній въ 1868—69 гг., когда наиболѣе краснорѣчивые ораторы либеральныхъ партій соединили свои усилія для того, чтобы обрѣзать и провалить правительственныя требованія объ увеличеніи жертвъ людьми и деньгами на созданіе сильной арміи. Въ засѣданіи 12-го декабря 1867 г. Жюль Фавръ, критикуя правительственный законопроектъ, обвинилъ правительство въ стремленіи обратить всю Францію въ казарму; военный министръ, маршалъ Ніэль, далъ тихимъ голосомъ съ мѣста реплику: «а вы поберегитесь—не обратите ее въ кладбище!» Хотя, чтобы не возбуждать общественнаго мнѣнія, эти слова были вычеркнуты изъ парламентской стенограммы, но послѣ погрома 1870 г. были восстановлены. «Мы были простофилями», вотъ приговоръ Эмиля Оливье, либерала, срѣзавшаго военные кредиты и затѣмъ объявившаго войну Германіи, будучи уже министромъ-президентомъ.

Воспоминаніе о провалѣ въ парламентѣ благихъ начинаній Ніэля, приведшемъ къ погрому, представляетъ жестокое оружіе противъ той оппозиціи, которую могутъ встрѣтить чрезвычайные военные законопроекты, внесенные нынѣ во Франціи на разсмотрѣніе законодательныхъ учреждений. Съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать и статью капитана Тарлэ «Какъ подготавливаютъ пораженіе», помѣщенную въ «Journal des Sciences militaires». Эта статья останавливается на заблужденіи парламентскихъ бойцовъ, что солдата можно импровизировать, что военнымъ духомъ можно преисполниться въ одинъ день.

Одной природной храбрости недостаточно, чтобы смѣло броситься въ жестокія испытанія войны, чтобы при этомъ духъ не былъ смущенъ бунтомъ ума, чтобы не послѣдовало измѣны со стороны тѣла, чтобы воля оставалась твердой. Все это дается только долгой выдержкой—тѣмъ, что съ такимъ презрѣніемъ зовутъ казарменною жизнью.

Во Франціи царилъ такой идейный антимилитаризмъ, налицо было такое опасеніе демонстрацій по отношенію къ Пруссіи, что на сообщеніи о трагедіи Корнеля, когда критикъ Сарсэ пытался выяснитъ образъ Горация примѣнительно къ нашему времени и началъ: «представьте себѣ, что злая ссора заставитъ Францію и Германію наброситься другъ на друга, что эти страны вступили въ войну.....». Сейчасъ же его прервалъ ураганъ свистковъ и шиканій, а одинъ изъ находившихся въ аудиторіи поднялся и потребовалъ, чтобы ораторъ взялъ свои слова назадъ, какъ нечестивыя и безбожныя.... Это было за годъ до Эмской депеши.

Могущественное теченіе въ пользу мира поддерживалось во Франціи франкмасонами. Эрманъ, ораторъ ложи соединенныхъ страсбургскихъ братьевъ, развивалъ такую мысль: «Франкмасонство призвано слить народы. Если Людовикъ XIV, посылая своего внука на испанскій престолъ, могъ воскликнуть—нѣтъ больше Пиренеевъ! то франкмасонство можетъ сказать: Рейнъ—больше не рѣка, раздѣляющая два народа, а водный путь, облегчающій и учащающій ихъ сношенія». И дѣйствительно, черезъ 2 года Рейнъ не раздѣлялъ больше двухъ народовъ, такъ какъ сталъ цѣликомъ нѣмецкимъ.

Франція отвѣчала на нѣмецкія вооруженія цѣлымъ моремъ фразъ. Страна, имѣющая гражданъ въ истинномъ значеніи этого слова, непобѣдима. Можно ли, въ виду призрачной опасности, посягать на свободу всѣхъ французовъ въ возрастѣ отъ 20 до 39 лѣтъ? Покажемъ примѣръ разоруженія, и всѣ сосѣдніе народы будутъ намъ подражать. Лицомъ къ лицу съ организаціей государства на военный ладъ въ Пруссіи нужно поставить мирную организацію Франціи. Народы не разоружаются только потому, что чувствуютъ себя слабыми; самый могущественный народъ можетъ и разоружиться полнѣе.

Тревожные голоса доносились только съ границы; депутатъ одного изъ пограничныхъ округовъ, Бенуа, напрасно требовалъ созданія сильной арміи, какъ единственнаго средства для защиты угрожаемыхъ областей. Прево-Парадолъ, предсказывавшій столкновеніе между Франціей, замершей на мѣстѣ, и растущей Пруссіей, неумолимое, какъ столкновеніе двухъ поѣздовъ, роковой ошибкой слѣдующихъ навстрѣчу по одному и тому же пути, прослылъ за юродиваго—пророка несчастья. «Никто не хочетъ, говоритъ онъ, но толчокъ будетъ

ужасенъ. Кричатъ, суетятся, дали контръ-паръ—тормозятъ. Тщетныя усилія! Размахъ взять слишкомъ издали».

Какъ бы предугадывая мысль одного изъ парламентаріевъ, поставившаго даже послѣ войны 1870 г. партійные счеты выше государственныхъ интересовъ и провозгласившаго, что цѣна двухъ провинцій не слишкомъ велика, чтобы заплатить за паденіе имперіи, Брюнетьеръ тщетно говорилъ объ отечествѣ, нуждающемся, чтобы ему служили, даже если оно ошибается, такъ какъ паденіе его—худшее зло, чѣмъ его ошибка. Вѣдь отечество, которое оставляютъ на произволь судьбы, гибнетъ. Не любя войны, надо подчиняться тяжелой необходимости, и не слѣдуетъ излишнимъ краснорѣчіемъ и невѣрными сравненіями дѣлать народъ неспособнымъ выдерживать тяжесть войны и понимать ея грустное величіе. Чтобы ни говорили защитники мира, но вопросы большею частью настолько спутываются, что можно безъ колебанія драться за отчизну и умирать безъ горечи подъ своими знаменами.

Когда на всемірную выставку 1867 г. съѣхались въ Парижъ монархи, иностранные ордена раздавались широкой рукой, но Ніэль, военный министръ, прусскаго ордена не получилъ. Причина заключалась въ принятіи имъ тогда ряда военныхъ мѣръ на нѣмецкой границѣ. На упрекъ Мольтке во враждебномъ Пруссіи ориентированіи дѣятельности военнаго министерства, Ніэль отвѣтилъ, что безъ этихъ мѣропріятій имъ, вѣроятно, пришлось бы нынѣ встрѣчаться не въ гостиной, а на полѣ сраженія. Ніэль гордился, что пруссаки забыли его въ списокѣ награжденныхъ. Пожалуй, и нынѣ могутъ гордиться тѣ военные писатели, произведенія коихъ (напримѣръ, Бонналя) враждебно встрѣчаются германской критикой. И не обоюдоостры ли тѣ похвалы, которыми привѣтствовали недавно въ Германіи появленіе русской ученой статьи, гласившей, что тактическое совершенство обрѣтается въ полной мѣрѣ только на берегахъ Шпрее? Раны, даже критики, могутъ быть почетны, а лавровый вѣнокъ порой заставляетъ краснѣть увѣнчаннаго имъ.

Въ «Revue de Cavalerie» любопытная статья генерала Canonge—старога наставника французской арміи, которому многіе современные писатели, судя по посвященію ихъ трудовъ, признаютъ себя обязанными своимъ военнымъ міросозерцаніемъ. Почтенный французскій генералъ прославляетъ подвигъ унтеръ-офицера 5-го кирасирскаго полка Колиньона въ сраженіи подъ Бомономъ (30-го августа 1870 г.). Подвигъ этотъ заключался въ нижеслѣдующемъ: 5-й кирасирскій полкъ атаковалъ во время отступленія своей пѣхоты, чтобы выручить ее, и атаковалъ неудачно: встрѣченный огнемъ со 150 шаговъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ прусской пѣхоты онъ повернулъ

назадъ, понеся тяжелыя потери, и только одинъ кирасиръ врубился въ ряды пруссаковъ. Это былъ Колинъонъ-гигантъ, на прекрасной лошади, бросившійся на командира 10-й роты 27-го прусскаго пѣхотнаго полка, капитана Хельмута. Отъ перваго удара кирасира Хельмуту удается увернуться и нанести французу ударъ плашмя саблей по лицу, но вторымъ ударомъ кирасира сабля пѣхотнаго офицера была раздроблена. Въ это время прусскій унтеръ-офицеръ Бельштетъ наноситъ ударъ штыкомъ въ лѣвую ногу и предлагаетъ ему сдаться. «Хорошо», отвѣчаетъ французъ и хочетъ подать саблю. Это движеніе другой унтеръ-офицеръ, Штольце, принимаетъ за угрозу ротному командиру, стрѣляетъ и наноситъ ему смертельную рану въ шею. Колинъонъ падаетъ въ объятія ротнаго командира.

Этотъ этюдъ интересенъ въ томъ отношеніи, что авторитетнѣйшій французскій генераль предлагаетъ увѣковѣчить память Колинъона прибивкой мраморной доски съ надписью: «Въ память унтеръ-офицера Колинъона, который велъ себя геройски». У меня лично такое рѣшеніе не вызываетъ сомнѣній, но мнѣ представляется, что въ Россіи, при такомъ запротоколенномъ поведеніи бойца въ послѣднія минуты боя, едва ли явилось бы предложеніе о ностановкѣ памятника. Между русской и западно-европейской психологіей есть ощутимая разница. Французъ признается геройски исполнившимъ свой долгъ, если онъ крайне мужественно дрался, пока существовала малѣйшая надежда на побѣду; но на нѣтъ—и суда нѣтъ; но когда бой сложился въ совершенно безнадежныхъ условіяхъ, то вѣжливое протягиваніе сабли противнику легко раненымъ всадникомъ признается, какъ официальной прусской исторіей войны, такъ и французскимъ писателемъ—нисколько не омрачающимъ подвига поступкомъ. У насъ, въ Россіи, существуютъ другіе идеалы: надо пострадать, надо претерпѣть; какъ разъ къ лицамъ, попавшимъ въ безвыходное положеніе, русской подойдетъ съ гигантскимъ масштабомъ нравственнаго величія Василія Рябова. Мы легко отнесемъ къ тѣмъ кирасирамъ, которые не врубятся въ непріятели, но отъ героевъ, врубившихся, потребуемъ полной мѣры. Недаромъ Гамильтонъ, слѣдя за боемъ за Лѣсистую сопку 28-го сентября 1904 г., сдѣлалъ наблюденіе, что русскіе довольно апатично сражались, пока шансы боя имѣлись и на ихъ сторонѣ. Но въ тотъ самый мигъ, когда положеніе стало совершенно безнадежнымъ и сраженіе было окончательно проиграно, съ русской стороны пошли чудеса храбрости и стойкости, отважные броски впередъ, штыковые удары отдѣльныхъ ротъ на японскую массу и т. д.

Подвигъ Колинъона и отношеніе къ нему запада заслуживаетъ того, чтобы посмотреть на него съ точки зрѣнія разныхъ культуръ. «Культура есть своеобразіе», говорилъ нашъ философъ К. Н. Леонтьевъ.

Необходимо отмѣтить, въ томъ же журналѣ, весьма живыя бѣсѣды генерала Арманъ Люкасъ о боѣ кавалеріи. Авторъ примыкаетъ къ мнѣнію начальника генеральнаго штаба, генерала Жоффа, высказанному по поводу кавалерійскихъ маневровъ 1911 г. Бой въ конномъ строю ведется безъ всякаго плана. По мѣрѣ прибытія на поле сраженія, полки атакуютъ, какъ придется. Нигдѣ не получается впечатлѣнія о могучемъ ударѣ, являющемся результатомъ появленія нѣсколькихъ полковъ, сгруппированныхъ должнымъ образомъ и бросающихся на врага въ компактномъ порядкѣ. Кавалерійскіе бои разыгрываются безъ управления. Кавалерійскія массы, галопируя для атаки, производятъ впечатлѣніе ужаснаго смерча, который, однако, ломается прежде, чѣмъ успѣетъ что-нибудь опрокинуть, или гигантскаго живого снаряда, распадающагося еще до достиженія цѣли.

Причины этого явленія авторъ ставитъ въ связь съ Франко-прусской войной. Считаюсь съ успѣхами германской конницы, коммиссія 1881 года, предсѣдателю которой, генералу Галифа, не удалось пересилить оборонительныя тенденціи большинства, имѣла въ виду не столько атаку врасплохъ непріятельской конницы, сколько внезапное появленіе германскихъ эскадроновъ; на тотъ случай, если неожиданная угроза непріятеля не оставитъ начальнику времени на отдачу приказаній, былъ временно введенъ рѣзкій сигналъ, который предоставлялъ младшимъ начальникамъ свободу драться по ихъ усмотрѣнію.

Этотъ сигналъ забастовки вышшаго управленія конницы давно уже отмѣненъ, но свобода боя, скачка эскадроновъ, какъ они сами того хотятъ, продолжаетъ жить въ арміи. И этотъ анархическій методъ приходится по душѣ нервнымъ и горячимъ французамъ. Еще Арданъ де Пикъ замѣтилъ, что французы, какъ потомки галловъ, имѣютъ слишкомъ много вѣры въ безудержное «впередъ, впередъ, безъ лишннихъ фокусовъ». Свобода боя нравится и многимъ начальникамъ, которые, не ощущая въ нужный мигъ потребнаго вдохновенія, находятъ элегантнымъ простое рѣшеніе—направить на врага галопъ своихъ эскадроновъ и предоставить потомъ все естественному ходу событий.

Другая причина отсутствія управленія въ бою заключается въ томъ, что конница прямо изъ казармъ выступаетъ какъ бы для большой войны, а простыя эволюціи вышли изъ моды. Не изучая приѣмовъ, переходятъ сразу къ большому бою—результаты получаются скромные.

Авторъ совѣтуетъ производить атаку бригадой на обозначеннаго противника, разбросаннаго небольшими группами на широкомъ фронтѣ; онъ ожидаетъ, что и бригада, по инициативѣ младшихъ на-

чальниковъ, расползется за ними вмѣсто того, чтобы слѣдовать за своимъ начальникомъ. Два или три такихъ упражненія, съ послѣдующей критикой, должны отбить стремленіе къ проявленію инициативы не во-время при атакѣ.

Другой разъ онъ рекомендуетъ обозначеннаго противника сжать на фронтѣ, но во время атаки неожиданно обнаружить угрозу обозначеннымъ противникомъ съ фланга. Онъ готовъ держать пари, что результатомъ явится перемѣна фронта фланговыхъ, одного или двухъ, эскадроновъ съ тѣмъ, чтобы атаковать эту нависшую надъ флангомъ часть. Это—ошибка, такъ какъ атака бригады вмѣсто того, чтобы оставаться концентрической, приметъ эксцентрической характеръ, перейдетъ въ начальную стадію распыленія. Фланговые эскадроны дѣйствительно должны были бы выполнить по своей инициативѣ роль прикрытія фланга, но не мѣняя направленія, а лишь задержавъ аллюръ и образовавъ оттянутый уступъ и отвѣтивъ, такимъ образомъ, на угрозу флангу такой же угрозой. Кто охватываетъ, самъ будетъ охваченъ.

Такимъ образомъ, въ наступательномъ отношеніи французскій генераль ругаетъ за полный отказъ отъ инициативы, а въ оборонительномъ отношеніи ставитъ ее въ рѣзкія рамки. Средства къ тому, чтобы сохранить управленіе въ рукахъ старшихъ начальниковъ, предложены героическія. По существу, это отказъ отъ идеи встрѣчнаго боя въ конницѣ. Правъ или не правъ генераль Люкасъ—можно было бы рѣшить лишь при точномъ знакомствѣ съ тою болѣзнью, противъ которой онъ предлагаетъ это сильно дѣйствующее лекарство—въ зависимости отъ того, насколько палъ авторитетъ высшаго управленія въ бою французской конницы.

Цѣлый рядъ блестящихъ парадоксовъ разсыпанъ въ статьѣ Отто фонъ Монтетонъ, полу-штатскаго, полу-военнаго писателя-философа. Статья его о психологій стратегіи помѣщена въ послѣднемъ выпускѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*», но написана еще въ 1905 г. Передача общаго контура мышленія нѣмецкой философіи представляетъ, какъ извѣстно, не легкую задачу.

На первомъ планѣ въ стратегіи—воля вождя. Въ гениальной драмѣ Шиллера, Валенштейнъ говоритъ о духѣ, который строитъ себѣ тѣлесную оболочку. Желѣзная воля одержать побѣду созидаетъ и соотвѣтственную стратегическую идею. Если вы день и ночь когда-нибудь напрягали всѣ помыслы къ достиженію какой-нибудь цѣли, то вы знаете, какъ много идей—примѣнимыхъ или неосуществимыхъ возникло у васъ, и вы убѣждены, что только воля и понуждаетъ вашъ

разумъ творить идеи. Первая задача заключается въ томъ, чтобы вдохнуть въ войска стремленіе къ бою. Ученость тутъ не причесть; нужно полководцу имѣть «сердце», нужно, чтобы и войска получили «сердце». Полководецъ, который умѣетъ войскамъ внушить рѣшимость побѣдить или умереть, свяжетъ побѣду со своими знаменами. Великіе полководцы обладали этимъ даромъ въ высшей степени, это то необходимое искусство владѣнія инструментомъ, безъ котораго лучшія оперативныя идеи останутся безплодными. Клаузевицъ говоритъ: «на войнѣ все ново»; поэтому полководецъ долженъ быть композиторомъ-художникомъ. Его армія—это только инструментъ, на которомъ онъ играетъ, но пѣсня, которую онъ сочиняетъ мечомъ, а пушечнымъ громомъ кладетъ на ноты, должна быть составлена его духомъ, и для успѣха этой композиціи онъ долженъ точно знать инструменты—свой и противника—и арену борьбы. Отрицательный примѣръ—англо-бурская война. Нельзя, купивъ инструменты, полагать, что вы уже располагаете оркестромъ музыки; нельзя утверждать, что если у буровъ были пушки, то слѣдовательно у нихъ имѣлась и артилерія. У буровъ были только фельдкорнеты и генералы, но не было вначалѣ подготовленныхъ офицеровъ. Они не знали, что бой это только цвѣтокъ побѣды, плодъ которой—въ преслѣдованіи. Они не знали, что простое отбитіе врага не является шагомъ впередъ; такая побѣда-отраженіе напоминаетъ прожекторъ: на мгновеніе ослѣпляющій свѣтъ, и затѣмъ прежняя темнота. Французскій маршалъ Морицъ Саксонскій училъ своихъ офицеровъ: послѣ побѣды можно себя все позволить, нельзя только ничего не дѣлать. Англичане, которые не смогли справиться сразу съ бурами и отправили на 2 года армію въ 200.000 человекъ воевать съ меньшимъ числомъ буровъ, показали верхъ военной неподготовленности. Какое-то свирѣпое чувство по адресу англичанъ проскальзываетъ между строкъ сочиненія нѣмецкаго популярнаго философа. Англія—страна безъ крѣпостей, за исключеніемъ береговыхъ батарей въ гаваняхъ, страна безъ оперативнаго мышленія—всегда была завоевываема однимъ ударомъ—Канутомъ Великимъ, Вильгельмомъ Нормандскимъ, въ битвахъ между Алой и Бѣлой розой, наконецъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Англичанамъ не удалось бы справиться и съ бурами, если бы концентраціонные лагеря—операція противъ семейства буровъ—не подорвали проснувшуюся волю буровъ бить англичанъ въ серьезъ. А отъ этой воли зависитъ все. Первые возстанія гезовъ (нищихъ) въ Голландіи—предковъ буровъ—противъ Альбы, водворявшаго «тишину владбища» (выраженіе маркиза Позы въ драмѣ Шиллера), были неудачны, но, когда вся страна увидѣла, что передъ ней вѣтъ выбора—надо защищать жизнь и свободу, то испанцы были побѣждены, а Голландія—освобождена. Она пережила то же, что нѣмецкія земли въ

1813 г. Объ отсутствіи энергіи англичанъ въ бурской войнѣ можно судить хотя бы по низкой потерѣ въ офицерахъ: въ 5 разъ меньшій процентъ потерь офицеровъ, чѣмъ въ нѣмецкихъ арміяхъ 1870 г. ¹⁾.

Высокія потери въ офицерахъ при энергичномъ методѣ войны неизбѣжны, такъ какъ офицеръ—живое знамя, духотворяющее солдатъ.

Авторъ вспоминаетъ о практикѣ, установившейся въ эпоху I революціи—рубить голову генераламъ, которые не побѣждаютъ. Понидеѣ Дантона—отвѣтить противъ чувства страха страхомъ же—не то 23, не то 42 генерала взошли на эшафотъ въ Парижѣ, такъ какъ не могли побѣдить, а 25-лѣтнему фельдфебелю Хошу была открыта широкая карьера, такъ какъ онъ просился на опасный постъ; прочтя его памятную записку о планѣ кампаніи, военный министръ Карно сказалъ: «этотъ пѣхотный унтеръ-офицеръ сдѣлаетъ карьеру»; когда же съ ней ознакомился Робеспьеръ, то замѣтилъ: «исключительно опасный человѣкъ». Сыну королевскаго доѣзжачаго, самоучкой одолѣвшаго грамоту, дали дивизію и открыли перспективу на эшафотъ. Унтеръ-офицеръ сталъ скоро командующимъ арміей, быть можетъ, болѣе искуснымъ и во всякомъ случаѣ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ Наполеонъ. Вотъ такіе сильные характеры, такіе любители приключеній, которые всплывали на поверхность революціонныхъ армій, передѣляли санкюлотовъ въ хорошо дисциплинированныхъ солдатъ и вдохнули инициативу и энергію въ тактику разсыпного строя и стратегію подвижной войны, ознаменовавшихъ наступленіе новой эры военнаго искусства. Въ той волѣ, которая ведетъ къ побѣдамъ, существенное мѣсто занимаютъ ненависть и гнѣвъ. Народы, которые не могутъ подняться до ненависти, какъ индусы, обречены на рабство. Ненависть и гнѣвъ—это божественныя способности. Не стратегія побѣдила Наполеона въ 1813 г., а блестяще расцвѣтшая ненависть къ нему пруссаковъ. Чтобы создать эту волю, потребовалось 6 лѣтъ французскаго ига, истощившаго физически прусскій народъ почти до бѣлокровія. Германофилы, нѣмецкіе кригсферейны исподволь подготавливаютъ теперь въ народѣ запасъ такой ненависти на три фронта.

¹⁾ Вся эта философія имѣетъ тѣсную связь съ подготовкой широкихъ круговъ германскаго населенія къ войнѣ вообще и съ Англійей въ частности, къ которой особенно причастенъ германофилъ, редакторъ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*», генераль-маіоръ Кеймъ, но всѣмъ приводимымъ цифрамъ довѣрять не приходится.

Въ томъ же журналѣ продолжается статья полковника Балка о методѣ боя русской пѣхоты въ прошломъ и настоящемъ. Балкъ отмѣчаетъ, въ общемъ нами опыта русско-турецкой войны, выводъ о томъ, что нельзя ожидать успѣха огневого дѣйствія противъ окопаннаго противника, что значительно суживаетъ значеніе признанія существенной роли за соотвѣтственной огневой подготовкой вообще. Разбирая русскій уставъ эпохи 80-хъ годовъ, Балкъ находитъ, что ни одинъ изъ уставовъ другихъ европейскихъ армій не подчеркивалъ въ такой степени основъ ударной тактики: быстрое движеніе стрѣлковой цѣпи на 150—300 шаговъ къ противнику для занятія послѣдней огневой позиціи, слѣдованіе резервовъ въ сомкнутыхъ строяхъ на близкихъ дистанціяхъ, смыканіе на послѣднихъ 50 шагахъ цѣпи къ своимъ взводнымъ командирамъ и т. д. Только «инструкція для боя» генерала Буланже, изданная для руководства французской арміи въ то же время, исходила изъ тѣхъ же идей объ ударной тактикѣ и о чрезмѣрномъ эшелонированіи войскъ въ глубину. Въ русскихъ уставахъ—пѣхотномъ 1900 г. и наставленіи для боя всѣхъ родовъ войскъ 1901 г.—также не было проведено различіе между встрѣчнымъ боемъ и преднамѣреннымъ наступленіемъ на развернушагося врага. Что касается подготовки русскаго солдата, то все вниманіе было обращено на духовное его воспитаніе, муштра же была въ забросѣ. Несомнѣнно, духъ войскъ представляетъ важнѣйшее въ воинской подготовкѣ; но именно забота о духѣ и заставляетъ не забывать о необходимости желѣзной дисциплины и напряженіи всѣхъ силъ.

Русскіе уставы эпохи 80-хъ годовъ представляютъ историческій интересъ, какъ заключеніе изъ двухъ большихъ войнъ; нужно имѣть въ виду, однако, что на уставахъ выводы войнъ отразились не непосредственно, а черезъ горнило ученія генерала Драгомирова. Въ 90-хъ годахъ въ одномъ изъ маневренныхъ разборовъ настаивалось, что наступающій изъ своего огня можетъ извлечь лишь мало пользы; поэтому главная его задача заключается въ быстромъ и безостановочномъ сближеніи для штыкового удара; стрѣлковая цѣпь атакующаго можетъ быть слабѣе цѣпи обороняющагося; наступающему необходимо равномѣрное эшелонированіе въ глубину, тогда какъ обороняющемуся достаточно сохранить сильные участковые резервы.

Нельзя не обратить вниманія, что Балкъ неоднократно подчеркиваетъ, что основы Драгомировскаго ученія были здоровы, а вредныя послѣдствія развились лишь на почвѣ чрезмѣрныхъ увлеченій. Причины пораженій въ Манчжуріи лежали не въ подготовкѣ арміи по Драгомирову, а много глубже. Неясность командныхъ отношеній и отдаваемыхъ приказаній, плохая развѣдка, разброска силъ, наруше-

ніе постоянной организаціи и многое другое—природные грѣхи русскаго національнаго характера, тяжело сказавшіеся еще во вторую Плевну; нужны кровавые уроки гигантскаго масштаба, чтобы найти силы для исправленія ихъ. Но тамъ, гдѣ русскія войска получали твердое управленіе, тамъ, за всю войну съ Японіей, они ни разу не отказали.

Скользнувъ по тѣмъ баснямъ о японской арміи, которыя печатались передъ войной и которыя распространялись неудачной военной агентурой и тактическими наставленіями генерала Куропаткина, Балкъ начинаетъ разборъ переходнаго періода русской тактики. Осторожность тактическихъ реформъ, начиная съ 1906 г., онъ объясняетъ желаніемъ русской арміи освободиться отъ увлеченій драгомировскаго ученія, не жертвуя, однако, добромъ, которое оно заключаетъ.

Любопытны, но крайне односторонни, выводы по артилерійской части, которыя дѣлаетъ генералъ Херръ въ «Revue d'artillerie». Авторъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1912 г. отправился на Балканы, осмотрѣлъ нѣсколько полей сраженій и произвелъ анкету между участниками боевъ, причемъ, конечно, интересовался только точными фактами, а не общими теоретическими взглядами своихъ собесѣдниковъ. Такъ какъ въ настоящее время французская артилерія раздирается борьбой сторонниковъ и враговъ ученія Персэна, а уставъ 1910 г. стремится сохранить нейтралитетъ, то одной изъ цѣлей поѣздки генерала Херра было выяснить, кто же правъ въ этомъ спорѣ. А такъ какъ онъ самъ являлся, повидимому, противникомъ ученія генерала Персэна, то и выведенные имъ съ Балканъ выводы оказываются также противъ Персэна.

Примѣръ сраженія при Кумановѣ, гдѣ турецкая артилерія стояла открыто и была уничтожена сербскимъ огнемъ, убѣждаетъ его въ необходимости артилерійской дуэли. Нигдѣ ему не приходилось слышать о стремленіи въ бою демонтировать неприятельскія батареи. Огонь имѣлъ цѣлью не разрушеніе матеріальной части, а пораженіе прислуги, что и удавалось, несмотря на щиты. Подъ Куманово одна турецкая батарея, стоявшая укрыто, причинила сербамъ потери, но все же сосредоточенный по площади огонь заставилъ и ее замолчать. Потерь отъ артилерійскаго огня, по наблюденіямъ въ госпиталяхъ, было больше, чѣмъ отъ ружейнаго. Поражаетъ небольшой расходъ боевыхъ припасовъ: въ бою подъ Куманово въ среднемъ было выпущено по 120 выстрѣловъ на орудіе, а за всю войну ²⁾ сербы

²⁾ Кончая взятіемъ Монастыря и не считая, слѣдовательно, боя подъ Адрианополеми и Скутарѣ.

истратили 15.000 снарядов, 2.000 гранатъ и 5.000.000 ружейныхъ патроновъ. Съ особенной похвалой отзывались сербы о вышкахъ, которыя позволяли не удаляться командирамъ батарей отъ орудій, что обезпечивало немедленное выполнение команды.

Въ бою подъ Монастыремъ сербы вывели одну турецкую батарею изъ строя огнемъ 120 миллиметровыхъ пушекъ (48^{'''}) съ разстоянія въ 8 километровъ. Турецкія батареи, попавшія подъ косоприцѣльный огонь съ 10 километровъ, также должны были отказаться отъ пораженія наступавшей сербской пѣхоты и замолчать. Горныя батареи съ успѣхомъ примѣнялись сербами для сопровожденія пѣхотной атаки.

Подъ Чатаджей болгары выпустили 2.000 снарядовъ по турецкой батарее у Махмудіе и ранили только 3 человекъ. Это убѣждаетъ автора въ необходимости болѣе серьезной дуэли. Болгарскія полевые пушки стрѣляли съ удаленія въ 5½ верстъ, когда огонь ихъ очень слабъ, и притомъ со слишкомъ короткой установкой дистанціонной трубки. Такъ какъ попытки выдвинуть батареи ближе, на открытую позицію, не имѣли успѣха, то на этотъ случай слѣдовало имѣть въ полевой артилеріи болѣе дальнобойныя пушки³⁾. Особое вниманіе удѣляетъ авторъ косому огню. Какъ извѣстно, на широкомъ примѣненіи косога огня артилерійскіе писатели пытаются обосновать самостоятельность артилеріи, отсутствіе той связи съ пѣхотой, которую требуетъ генералъ Персэнь, и возраженіе противъ постановки артилерійскимъ частямъ опредѣленныхъ боевыхъ задачъ.

Косоприцѣльный и дальній огонь—вотъ заключеніе наблюдателя на Балканахъ. Онъ подчеркиваетъ отвѣтъ начальника сербской тяжелой артилеріи, что участіе въ бою тяжелыхъ батарей обуславливалось отнюдь не погоней за ихъ крутой траекторіей, а исключительно стремленіемъ располагать болѣе дальнобойными орудіями, посылающими болѣе могущественные снаряды. Сербы пользовались съ этой цѣлью совершенно несвоевременной 120-м.-м. пушкой Канэ, стрѣлявшей съ платформы, и успѣвали открывать изъ нея огонь, несмотря на малоподвижность, съ началомъ боя.

Какъ выводъ генералъ Херръ требуетъ: перевооруженія части полевыхъ батарей, входящихъ въ составъ корпуса, новыми длинными 42 лин. пушками, съ универсальнымъ снарядомъ; ускоренія снабженія вышками; снабженія батарей дальномѣрами для предварительнаго

³⁾ Такъ какъ турки, однако, укрылись подъ блиндажами и въ этой оригинальной дуэли не отвѣчали на болгарскій огонь, и такъ какъ авторъ скептически относится къ разрушенію матеріальной части, то какихъ потерь у турокъ можетъ ожидать авторъ отъ примѣненія длинныхъ пушекъ?

опредѣленія дистанцій до замѣтныхъ точекъ, такъ какъ предварительная пристрѣлка по нимъ отдѣльными выстрѣлами, примѣнявшаяся сербами, можетъ представить крупныя неудобства; снабженія ямками, такъ какъ приходится часто передвигать орудія на рукахъ, изъ-за невозможности пользоваться подъ огнемъ запряжками. Артилерійская дуэль—на первомъ планѣ; наблюденіе съ аэроплановъ для того, чтобы обстрѣливаніе закрытыхъ батарей не выродилось въ расходованіе снарядовъ; косоприцѣльный огонь и сосредоточеніе огня.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что многіе выводы навѣяны малымъ упорствомъ нѣкоторыхъ боевъ: дѣйствительно, если турки подъ Куманово отступали, не допустивъ сближенія съ ними на дѣйствительный ружейный огонь, то, конечно, раненыхъ шрапнелью будетъ больше. Какъ легко придти, однако, этимъ путемъ къ признанію полной ничтожности ружейнаго огня! То же самое замѣчаніе относится и къ расходу боевыхъ припасовъ, и къ значенію дальности огня. Если противникъ сразу будетъ уходить, то никакихъ гаубицъ имѣть не нужно, а лучше всего завести автомобили съ пулеметами для преслѣдованія. Подъ Монастыремъ условія горной мѣстности открывали тѣ горизонты въ 8—10 верстъ, которые безусловно отсутствуютъ въ Ломбардіи, Англии, Лотарингіи, бассейнѣ Вислы. Операция имѣла позиціонный характеръ, и потому неуклюжія, старыя, тяжелыя сербскія пушки были пущены въ дѣло во-время.

Статью французскаго генерала можно рекомендовать вниманію всѣхъ тѣхъ, кто склоненъ переносить выводы изъ исключительныхъ положеній и частные случаи возводить въ законъ арміямъ, призваннымъ дѣйствовать въ совершенно иной обстановкѣ.

Въ «Spectateur Militaire» подполковникъ Турэ заканчиваетъ разтанувшееся на много выщупковъ изслѣдованіе Мукденскаго сраженія слѣдующими выводами. Нельзя подчинять выборъ боевыхъ задачъ счету тѣхъ жизней, которыми придется платить за достиженіе результата. Боязнь потерь—антиморальна. Это былъ девизъ Наполеона. Конечно, всякій достойный начальникъ приметъ всѣ мѣры, чтобы на избранномъ пути потерять возможно меньше людей. Кромѣ боязни потерь русскихъ генераловъ, надо отмѣтить недостатокъ подготовки народа къ войнѣ, пассивность войскъ вслѣдствіе неудачнаго хода войны, нарушеніе организаціи, недостаточную, но не плохую развѣдку.

Въ стратегическомъ отношеніи надо отмѣтить необходимость стратегическаго резерва. Нельзя было довольствоваться полутора корпу-

сами въ полупереходѣ за центромъ. Генераль Куропаткинъ долженъ былъ бы располагать массой въ 80.000 человекъ въ двухъ переходахъ позади угрожаемаго фланга.

На глубинѣ 3—4 переходовъ за фронтомъ слѣдовало организовать параллельныя желѣзной дорогѣ этапныя линіи, оборудовать ихъ складами продовольствія и боевыхъ припасовъ, а не жать все къ Мукдену. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ нѣмецкой критики, что японцамъ выгоднѣе было бы не атаковать русскихъ на фронтѣ, а большія силы стянуть для охвата праваго фланга русскихъ, и что фронтальныя атаки японцевъ по всему фронту были одолженіемъ японцевъ русскимъ. Если бы весь гигантскій фронтъ нашихъ армій не былъ атакованъ, какъ то хотѣли бы крайніе германскіе доктринеры, то отбитіе охвата было бы связано съ гораздо меньшими затрудненіями. Прекрасный маневръ Ноги омраченъ ломкой организаціи его дивизій. Напрасно думали послѣ сраженія подъ Кениггрецомъ и Сень-Прива, что роль высшаго командованія, при современной инерціи огромныхъ войсковыхъ массъ и дальнобойномъ оружій, кончается съ завязкой боя. Маршалъ Ойяма долго сохраняетъ резервъ, заполняетъ образовавшіеся между арміями прорывы. Генераль Куропаткинъ распоряжается, пожалуй, даже слишкомъ много, твердо держитъ управленіе даже въ моменты, грозящіе катастрофой, и его доктрина выигрыша времени раздѣляется всѣми его подчиненными. Доктрина, однако, не дѣло рукъ одного человека, а эманация народной души, и за «терпѣніе» надо обвинять не русскаго вождя, а тѣ установленія, которыя воспитали эту точку зрѣнія.

Въ тактикѣ пѣхоты обращаетъ вниманіе второстепенное значеніе внѣшнихъ формъ наступленія по сравненію съ тактической цѣлностью начальниковъ, которые умѣли бы ориентироваться и примѣняться къ любому положенію. Японцы наступали сильной огневой линіей, которая окапывалась на каждомъ достигнутомъ рубежѣ, и этимъ цѣпляніемъ на случай контръ-атаки русскихъ замѣняли отсутствовавшія поддержки. вмѣсто близкихъ участковъ резервовъ японцы предпочитали сохранить одинъ болѣе крупный и глубоко расположенный резервъ. Такая группировка, несомнѣнно, болѣе выгодна, но допустима только при пассивности противника. Штыкъ работалъ регулярно во всѣхъ бояхъ. Ночныя атаки имѣли большое распространеніе, но, какъ общій выводъ, надо признать невыгодными ночныя атаки крупныхъ силъ—свыше полка.

Артилерія разстрѣливала, какъ и пѣхота, массу боевыхъ припасовъ, но безъ особаго успѣха. Стрѣльба по площадямъ, которую русскіе вели по примѣру французовъ, дала самые скромные результаты. Русскіе слишкомъ разбрасывали артилерію и слишкомъ много бата-

рей держали въ резервѣ. Артилерійскіе поединки приводили только къ временной нейтрализаціи. По одному удавалось увозить орудія съ конной запряжкой подъ сильнымъ огнемъ. По укрытой пѣхотѣ артилерійскій огонь не давалъ никакихъ результатовъ; разомкнутые строи приходилось, однако, примѣнять уже на удаленіи въ 4—5 версты отъ непріятельскихъ батарей. Пулеметы зарекомендовали себя очень дѣйствительнымъ оружіемъ. Конница вовсе уклонилась отъ боя. Окопныя работы получили большое распространеніе у обѣихъ сторонъ. Временныя укрѣпленія всегда удавалось брать—или охватомъ или упорнымъ фронтальнымъ боемъ, цѣною крупныхъ потерь.

Въ общемъ, наступательный образъ дѣйствій еще разъ оказался выше оборонительнаго, несмотря на весь прогрессъ огнестрѣльнаго оружія.

Новый законъ о кадрахъ группируетъ почти всю французскую конницу въ отдѣльныя дивизіи, оставляя очень мало для обслуживанія корпусовъ и пѣхотныхъ дивизій. Нельзя сказать, чтобы во французской литературѣ тяготѣніе конницы къ самостоятельнымъ операціямъ встрѣтило одобреніе. Въ «Journal des Sciences militaires» авторъ, скрывшійся подъ инициаломъ А. Р., полагаетъ, что употребленіе кавалерійскихъ массъ представляетъ грубую ошибку, осужденную войнами послѣдняго столѣтія. Прежде всего самостоятельность конницы идетъ въ разрѣзъ той связи между родами войскъ, которая нынѣ признается важнѣйшимъ условіемъ для достиженія побѣды. Съ этой точки зрѣнія конница одна была уже безсильна въ эпоху Наполеона. Послѣдній требовалъ поддержки ея сильными авангардами. Въ 1870 г. нѣмецкая конница пряталась за пѣхоту до тѣхъ поръ, пока армія Базена не была заблокирована въ Мецѣ. Только когда предъ ней не осталось противника, нѣмецкая конница стала дѣйствовать самостоятельно—и всѣ наши представленія о роли кавалерійскихъ дивизій въ европейской войнѣ базируются какъ разъ на этотъ періодъ. Какъ только народилась Луарская армія, такъ сейчасъ же роль 2-й кавалерійской дивизіи, развѣдывавшей по приказу фонъ-деръ-Тана, оказалась ограниченной и безъ поддержки пѣхоты она ничего не могла выяснитъ. Авторъ не вѣритъ во вторженіе конницы въ началѣ войны, въ разгромъ мобилизаціи противника, который талантливо живописуетъ Бернгарди. Дальняя развѣдка одной конницѣ не по силамъ—этотъ выводъ историка 1806 г., генерала Langrezas, остается и понынѣ въ силѣ.

Что касается участія конницы въ сраженіи, то удавались въ послѣднія войны только атаки малыхъ частей: подъ Кустоццей—полу-

эскадрона, подъ Марсь-ла-Туромъ—бригады Бредова, въ которой было, однако, всего 6 эскадроновъ. Генераль Ланрезакъ, въ курсѣ высшей военной школы, разбирая удачную атаку одного маршевого уланскаго эскадрона въ сраженіи у Бонь-ла-Роландъ, находитъ, что главное условіе успѣха—использовать счастливое мгновеніе—требуетъ, чтобы конница была подъ руками, слѣдовала за пѣхотой, что возможно только для маленькихъ частей.

Гигантскія атаки бывали, правда, на большихъ императорскихъ маневрахъ въ Германіи, но и то начали выводиться, послѣ вопроса генерала Хезелера императору Вильгельму, лично руководившему такой атакой: «но кто же теперь, ваше величество, остался, чтобы подобрать мертвыхъ»?

Даже при преслѣдованіи роль кавалерійскихъ массъ ограничена, такъ какъ отдѣльныя роты ихъ останавливать, какъ то было въ вечеръ Вёрта.

Авторъ зато настаиваетъ на значеніи конницы, обслуживающей пѣхоту, и предлагаетъ обезпечить каждый корпусъ 3-полковой бригадой, сохранивъ только 5 кавалерійскихъ дивизій.

На ту же тему приводитъ историческую справку «Revue d'Histoire».

Генераль графъ Дюгемъ, послѣ возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, въ 1815 г., просилъ принять его на службу, но съ условіемъ дать ему самостоятельную дивизію, которая бы включала всѣ три рода войскъ. Онъ признавалъ, что начальники дивизіи въ наполеоновской арміи съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ отобрали конницу («я не хочу боевъ дивизій....» Наполеонъ) и большую часть артилеріи, попали на положеніе субалтерновъ, и онъ не хотѣлъ командовать такой умаленной дивизіей. Онъ настойчиво совѣтовалъ военному министру доложить Наполеону о необходимости возвращенія къ старой дивизіи изъ трехъ родовъ войскъ, хотя это нелегко, такъ какъ самостоятельныя кавалерійскія дивизіи и корпуса породили цѣлое племя кавалерійскихъ генераловъ, которые ни во что другое не хотятъ вмѣшиваться. Между тѣмъ, опытъ послѣднихъ походовъ неопровержимо доказываетъ, что конница истощалась и теряла лошадей именно вслѣдствіе своей изолированности и неувѣренности въ ближайшемъ будущемъ, а не отъ непріятельскаго огня; тотъ же безпорядокъ, который вносила самостоятельная конница въ марши ея пѣхотной дивизіи, обошелся ему дороже сраженій съ непріателемъ. Этотъ документъ подписанъ генераломъ, воевавшимъ 20 лѣтъ; Наполеонъ, не особенно любившій такую настойчивую откровенность

генераловъ, назначилъ его командовать молодой гвардіей (двѣ дивизіи), во главѣ которыхъ онъ и былъ смертельно раненъ подъ Ватерлоо.

Маршалъ Сентъ-Сиръ также признаетъ дивизію изъ трехъ родовъ войскъ эпохи 1797 г. прекрасной и жестоко критикуетъ Хоша и Наполеона за порчу организаціи, за выдѣленіе конницы въ особія дивизіи и потомъ корпуса. Кавалерійскій корпусъ за всю кампанію можетъ не найти случая цѣликомъ ввязаться въ дѣло; кавалерійская дивизія будетъ драться 3—4 раза, тогда какъ дивизіонная конница будетъ каждый день въ дѣлѣ. Часто приходится крупные кавалерійскіе корпуса, по соображеніямъ о довольствіи ихъ, отсылать въ сторону; лошади падаютъ отъ переходовъ и безкормицы, не сослуживъ никакой службы. По мнѣнію Сентъ-Сира, группировка трехъ родовъ войскъ должна была бы доходить до малыхъ частей арміи, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно было бы использовать безконечно измѣняющіяся условія мѣстности.

А. Свѣчинъ.

«Rivista militare italiana» 1913 г. Январь.

Оканчивая изслѣдованіе дѣйствій пѣхоты на очень лѣсистой мѣстности, обзоръ котораго начать въ предыдущемъ номерѣ «Военнаго Сборника», авторъ указываетъ, что на этой мѣстности, какъ и на всякой другой, пассивная оборона ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ; къ тому же и огонь на дальнія дистанціи, составляющій существенную выгоду обороны, почти теряетъ здѣсь свое значеніе. Не слѣдуетъ, поѣтому, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства вынуждаютъ къ оборонительному образу дѣйствій, отказываться отъ перехода въ наступленіе при первомъ удобномъ случаѣ. Не имѣя возможности заблаговременно обнаружить дѣйствія атакующаго, оборона тѣмъ въ большей мѣрѣ подчиняется его волѣ и инициативѣ. Положеніе остается для нея невыясненнымъ впредь до того времени, когда атака достигнетъ уже значительнаго развитія, и выясняется часто лишь тогда, когда всякія распоряженія и мѣры являются запоздавшими. Оборона на лѣсистой мѣстности признается авторомъ одною изъ наиболѣе трудныхъ задачъ на войнѣ, требующею отъ начальника выдающихся дарованій и счастья. Изреченіе: «атака есть лучшая оборона», лучше всего оправдывается на лѣсистой мѣстности.

Нормальнымъ боемъ на лѣсистой мѣстности признается встрѣчный бой. Если же по какимъ-либо особымъ обстоятельствамъ придется подготовить оборону заранее, то слѣдуетъ выбирать позицію, имѣющую передъ фронтомъ мѣстность, трудно проходимую и благопріятствующую обстрѣлу на значительныя разстоянія. При неимѣніи такихъ условій въ наличности производится расчистка обстрѣла и устраиваются искусственныя препятствія. Всѣ работы по укрѣпленію позиціи исполняются, имѣя въ виду, чтобы онѣ не облегчали распознаванія послѣдней издали. Если готовится къ оборонѣ нѣсколько послѣдовательныхъ позицій, то начальники частей подробно знакомятся съ путями отступленія въ цѣляхъ выигрыша времени при исполненіи послѣдняго. Деревни, усадьбы, отдѣльныя зданія могутъ съ пользою служить опорными пунктами оборонительной линіи и очень замедлить успѣхъ наступательной операціи, такъ какъ лѣсистая мѣстность весьма затрудняетъ дѣйствія непріятельской артилеріи, обращенныя противъ перечисленныхъ мѣстныхъ предметовъ.

Въ цѣляхъ выясненія положенія и намѣреній противника занятіе передовыхъ пунктовъ можетъ принести большую пользу. Они избираются въ мѣстахъ, которыхъ непріятель миновать не можетъ, и приспособляются къ упорной оборонѣ до послѣдней крайности. Лѣсистая мѣстность способствуетъ укрытію такихъ пунктовъ отъ непріятели и облегчаетъ имъ исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ. На развѣдку, службу связи и устройство сообщений должно быть обращено особое вниманіе.

Въ ожиданіи свѣдѣній, выясняющихъ направленіе главнаго удара противника, лишь небольшая часть войскъ занимаетъ позицію, главныя же силы обороны располагаются укрыто позади позиціи и держатся въ полной готовности къ движенію куда слѣдуетъ, въ зависимости отъ полученныхъ о непріятелѣ свѣдѣній.

Соотвѣтственно выяснившемуся положенію командующій отрядомъ дополняетъ свои распоряженія и распредѣляетъ войска. Части, назначенныя для фронтальной обороны позиціи, переходятъ на нее укрытыми путями, не оставляя поддержекъ, и вступаютъ въ дѣло неожиданно для непріятели. Какъ только послѣдній вступитъ въ районъ обстрѣла, открывается сильный огонь.

Если въ бою на открытой мѣстности оборона остановитъ фронтальное наступленіе непріятели, то очень выгоднымъ маневромъ контръ-атаки признается ударъ резерва на флангъ наступающаго или угроза его путямъ отступленія; на мѣстности же лѣсистой слѣдуетъ въ такомъ случаѣ направлять ударъ фронтально. Такой маневръ очень простъ и не вызываетъ потери времени, а наступленіе резерва увлечетъ и другія войска. На лѣсистой мѣстности лучшій маневръ

контръ-атаки состоитъ въ направленіи свободныхъ частей фронтально туда, гдѣ непріятель наиболѣе силенъ, такъ какъ фронтальное движеніе является наиболѣе легко исполнимымъ, а успѣхъ такой операціи скорѣе всего ведетъ къ побѣдѣ.

Выгоды, представляемыя лѣвостю мѣстностью отступающимъ войскамъ, состоятъ: въ затрудненіи движенія преслѣдующаго; въ облегченіи отступающему обороны шагъ за шагомъ, пользуясь обиліемъ выгодныхъ для того мѣстныхъ предметовъ; въ облегченіи устройства засадъ.

Въ статьѣ, озаглавленной «Замѣтка о полководцахъ», капитанъ Guillet говоритъ, что дѣятельность войскового начальника, имѣя по своей сущности характеръ практической, требуетъ въ то же время и многихъ познаній. Преобладающее значеніе имѣетъ, конечно, проявленіе воли начальника, которымъ онъ даетъ чувствовать свое вліяніе, но проявленію воли предшествуетъ работа мысли, какъ источника свѣта, одушевляющаго и направляющаго практическую дѣятельность.

Многіе продолжаютъ думать, что тактическія и стратегическія задачи могутъ быть сведены къ задачамъ логическаго разсужденія. Пути къ рѣшенію тѣхъ и другихъ задачъ имѣютъ между собою, дѣйствительно, много сходства, но есть между ними и существенная разница. Въ то время, какъ для логическаго рѣшенія совершенно необходимо точное и полное знаніе всѣхъ элементовъ, подлежащихъ обсужденію, такого знанія никогда не бываетъ въ наличности при рѣшеніи боевыхъ задачъ. Тутъ являются вмѣстѣ съ извѣстными факторами также и неизвѣстные, а такъ какъ разсуждать надъ неизвѣстными факторами нельзя, то для рѣшенія боевыхъ задачъ полководца необходимо вдохновеніе, безъ котораго онъ будетъ въ безпомощномъ состояніи передъ возникающими сомнѣніями, колебаніями, неясностью положенія, и никогда не станетъ, въ уровень съ требованіями той части дѣятельности полководца, которая одна только можетъ быть названа художественною.

Воля и способность сильно желать являются качествами особо важными для полководца. Необходимо, поэтому, имѣть во главѣ войскъ начальниковъ, крѣпкихъ духомъ и тѣломъ, слѣдовательно, молодыхъ. Александръ, Аннибалъ, Наполеонъ были молоды, и это качество служило имъ главнымъ источникомъ энергіи, необходимой для осуществленія ихъ величественныхъ предпріятій. Воля, какъ преобладающее качество полководца, приобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣну, чѣмъ труднѣе положеніе. Въ такихъ положеніяхъ, какъ Аустерлицъ, все рѣшается гениемъ; но у Маренго и Лоди не помогъ бы дѣлу весь колоссальный гений Наполеона, не приди къ нему на помощь его твердая воля побѣдить во что бы то ни стало.

Преобладаніе воли надъ вдохновеніемъ или вдохновенія надъ волею или же гармоническое отношеніе между собою этихъ двухъ даровъ даютъ различные характерные оттѣнки личности войскового начальника. Начальникъ съ орлинымъ взглядомъ, но слабою волею, можетъ иногда изнемогнуть подъ нравственными потрясеніями тяжелой военной обстановки; съ другой стороны, начальникъ среднихъ дарованій, но обладающій сильною энергіею, побѣдоносно выходитъ изъ самыхъ безнадежныхъ положеній, создавшихся изъ его же неудачныхъ распоряженій. Между этими двумя крайностями стоятъ великіе полководцы, въ которыхъ воля и геніальность находятся въ полной гармоніи.

Дѣйствія полководца не могутъ быть разсматриваемы внѣ событий, среди которыхъ они совершаются; можно восхвалять или порицать полководца за то, что имъ сдѣлано хорошаго или дурного, но, чтобы оставаться въ предѣлахъ полной справедливости, необходимо имѣть въ виду, что успѣхъ или неудача во многомъ зависятъ всегда отъ факторовъ, не имѣющихъ связи съ личностью полководца. Нѣкоторые изъ этихъ факторовъ поддаются оцѣнкѣ, нѣкоторые—нѣтъ, но какъ тѣ, такъ и другіе, имѣютъ иногда огромное значеніе. Общій результатъ вліянія факторовъ, не зависящихъ отъ полководца, на развитіе и успѣхъ той или другой военной операціи есть то, что называютъ военнымъ счастьемъ полководца. Это счастье, въ изложенномъ выше смыслѣ, поддается познанію лишь *à posteriori* и для каждаго случая отдѣльно, а потому нельзя заранѣе вводить его въ какіе бы то ни было расчеты. Однако, въ дѣйствительности, счастье, ставшее однажды на сторону человѣка, не остается безъ вліянія на него и въ послѣдующихъ случаяхъ. Вывшіе успѣхи воодушевляютъ его, поддерживаютъ въ немъ вѣру въ свои силы, даютъ твердость волѣ въ борьбѣ съ неблагоприятными случайностями. Наполеонъ очень цѣнилъ въ своихъ генералахъ ихъ военное счастье и удачливость.

Въ заключеніе авторъ выясняетъ, что счастье, относимое обыкновенно къ полководцу, принадлежитъ въ сущности не только ему, но и его войскамъ. вмѣсто понятія о счастливыхъ или несчастливыхъ полководцахъ можно поставить понятіе о счастливыхъ или несчастливыхъ арміяхъ, но и такое понятіе не будетъ полно, такъ какъ на успѣхъ военныхъ операцій оказываютъ вліяніе не только полководцы и ихъ арміи, но сверхъ того также и многіе другіе факторы.

Кромѣ того, въ обозрѣваемомъ выпускѣ помѣщены статьи:

Капитана С. Lisomati «Причины балканской войны».

Капитана Aurelio Riccheti «Разсужденія относительно изученія военной исторіи въ итальянскихъ военныхъ заведеніяхъ».

Капитана Pietro Gilberti «Триполитанскія впечатлѣнія».

Капитана Corrado Serloreti «Инструкція для саперныхъ работъ».

Капитана Emilio Salaris «Франція, Австрія, Италія и Данія наканунѣ франко-прусской войны».

Поручика Cesare Soldano о твореніяхъ G. Carducci.

Начата статья капитана A. Bindi «Мѣсто, занимаемое войною въ жизни общества».

Помѣщено продолженіе статьи поручика Francesco Stroppa.

В. Н.

